

23.08.23

КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАКОПИЛИСЬ В ОТНОШЕНИЯХ ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ?

Если представить Евросоюз в виде пазла, то его сборку следует начинать с двух заметных и на первый взгляд наиболее подходящих друг другу частей: Франции и Германии. Может показаться, что эти страны буквально созданы, чтобы вместе встать во главе мощного интеграционного объединения, комбинируя свои слабые и сильные стороны, преимущества и уязвимости в оптимальной пропорции. Франция – ядерная держава, постоянный член Совбеза ООН, носитель традиций яркого прошлого. ФРГ – экономический гигант, осторожно, шаг за шагом, преодолевающий комплексы трагичных страниц своей истории, а потому сдержанный во внешнеполитической активности. Стоя спиной к спине, две страны ищут друг в друге надежную политическую, экономическую и дипломатическую опору.

При этом во многом именно франко-германские противоречия последней трети XIX – первой половины XX века стали предпосылкой формирования Европейского союза как попытки создания бесконфликтного пространства на континенте.

Провозглашенное в 1871 году в оккупированном немцами французском Версале создание Германской империи символически оформило один из наиболее чувствительных нервов европейской политики на многие десятилетия. Этой непростой исторической ситуации мы обязаны появлением слова «реванш», имевшего в те годы вполне конкретное смысловое наполнение: возвращение Эльзаса и Лотарингии под контроль Парижа.

После Первой мировой войны реваншистские настроения перенесли из Парижа в Берлин, ничуть не растеряв своей ожесточенности. Солдаты вермахта, промаршировавшие у Триумфальной арки во французской столице, стали символом апогея нацистского могущества. А точка во франко-германском соперничестве была поставлена подписанием Акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.

Нельзя сказать, что примирение немцам и французам давалось легко. В 1945-м были еще живы очевидцы трех германских вторжений во Францию: в 1870, 1914 и 1940 годах. На оккупацию немцами французских территорий французы отвечали оккупацией Рура в 1923-м и оформлением французской оккупационной зоны по итогам Ялтинской конференции 1945 года. К поверженной после Второй мировой войны (а особенно после Первой мировой) Германии Париж относился в соответствии с принципом *vae victis* (горе побежденным), не особенно церемонясь с «проклятыми бошами».

Впрочем, уже в середине 1950-х стало очевидно: каркас прекрасной Европы будущего невозможен без работоспособного франко-германского тандема. Несмотря на свою неприязнь к немцам, президент Франции генерал Шарль де Голль проявил

прагматизм, когда в 1963 году он пожал руку канцлеру ФРГ Конраду Аденауэру во время подписания Елисейского договора, открывшего новую страницу в отношениях двух стран. Париж и Бонн в равной мере нуждались друг в друге, чтобы не сгинуть в омуте холодной войны СССР и США. В 1984-м рукопожатие президента Миттерана и канцлера Коля на кладбище в Вердене символизировало, что конфликты двух стран остались в прошлом.

По мере укрепления и расширения ЕС на рубеже XX–XXI веков Париж и Берлин демонстрировали стремление сформировать общий европейский подход к непростым процессам мировой политики. Наиболее ярко это проявилось в 2003-м, когда президент Франции Жак Ширак и канцлер ФРГ Герхард Шрёдер единым фронтом с президентом России Владимиром Путиным выступили против американского вторжения в Ирак. Однако Вашингтон быстро разобрался с европейской фрондой, а Ширак и Шрёдер вскоре уступили место трансатлантически ориентированным политикам.

С этого момента франко-германский тандем уходит на периферию мировых внешнеполитических процессов, концентрируя свое внимание на вопросах экономического и межобщественного сотрудничества двух стран в рамках ЕС. Многочисленные совместные проекты в этих сферах создавали впечатление нерушимости франко-германской дружбы. Развивалось взаимодействие и в оборонной сфере, хотя зачастую шаги на этом направлении носили символический характер, вроде создания франко-германской бригады, или были привязаны к экономике и промышленности.

Разговоры о том, что Парижу и Берлину стоит сообща подумать о своем месте в меняющемся мире, зазвучали громче после избрания в 2016 году президентом США Дональда Трампа. Новый американский лидер не только почем зря критиковал европейских партнеров, но и открыто провозглашал правомерность национального эгоизма. Выдвинутая немецким МИД формула Europe United («Европа вместе») как ответ на America first («Америка прежде всего») была немыслима без коренной перестройки франко-германского тандема.

Однако вскоре стало ясно: договориться двум европейским государствам о выводе сотрудничества на новый уровень будет непросто. За заявлениями о европейской стратегической автономии и незыблемой дружбе Парижа и Берлина скрывались глубокие противоречия как ситуативного, так и фундаментального характера.

Во-первых, Франция и ФРГ по-разному видели будущее единой Европы. Прежде всего расхождения касались вопросов обороны и безопасности, как наиболее обсуждаемых в контексте дискуссии о европейской стратегической автономии. Париж был готов форсировать процесс военной интеграции вплоть до создания общеевропейских боевых частей. Эти войска предполагалось использовать в операциях на африканском континенте, где Франция стремилась сохранить свое влияние. Берлин же видел этот процесс как сопряжение мощностей оборонных предприятий стран ЕС, предполагая выстроить единую систему европейской промышленности с лидирующим положением немецких компаний.

Во-вторых, диалогу Франции и Германии сильно мешала разница во внутривнутриполитической динамике двух государств. Молодой президент Эммануэль

Макрон, едва заняв высокий пост, торопился предъявить своим избирателям результаты реформ. У многоопытной Ангелы Меркель кипучая активность французского лидера восторга не вызвала. Последний, четвертый кабинет «канцлерин» формировался долго и мучительно, что также заставляло ее действовать вдвойне осмотрительно. После заявления Меркель об уходе из большой политики в ФРГ начались поиски достойного преемника, на этом фоне инициативы Макрона по реформированию ЕС выглядели неуместными. В итоге новому канцлеру Олафу Шольцу пришлось иметь дело с французским президентом, раздраженным медлительностью Берлина и потрепанным непростой кампанией по переизбранию. Отношения между двумя лидерами явно не задалась.

В-третьих, вопреки представлениям о достигнутой за последние десятилетия институциональной гармонизации франко-германских отношений в их механизме остается много изъянов. Они определяются в том числе разницей в самом государственном устройстве двух стран. В Германии федеральные земли могут серьезно влиять на внутреннюю политику, в то время как во Франции большинство управленческих решений принимается в столице. «Техническая» несовместимость цементируется разницей в стратегической культуре. Рудименты французских великодержавных амбиций чужды ФРГ, прошедшей полную перепрошивку национальной идентичности и до сих пор испытывающей сложности с определением собственных интересов. Во Франции, безусловно, не хотели бы возрождения «духа старой Германии», но и вести дела с таким нерешительным партнером, погруженным в самокопание, сложно.

Пандемия коронавируса также не озонирует франко-германские отношения. Закрытие границ показало, что Париж и Берлин могут действовать эгоистично, даже если это противоречит многочисленным декларациям о дружбе и добрососедстве. Оправившись от шока, вызванного стремительным распространением ковида, французское и немецкое правительства постарались компенсировать разлад первых дней пандемии многочисленными инициативами по взаимопомощи. Неприятный осадок тем не менее остался.

После начала российской спецоперации на Украине в феврале 2022 года Париж и Берлин объявили, что будут поддерживать Киев, в том числе и поставками военной техники. Президент Макрон и канцлер Шольц провели серию телефонных переговоров с Владимиром Путиным, закончившихся одинаково безрезультатно.

С другой стороны, украинские события сказались на французской и немецкой политике по-разному. Канцлер Шольц объявил перед депутатами бундестага наступление эпохи *Zeitenwende*, которая должна изменить Германию и мир вокруг неё. В одночасье немецкое правительство пересмотрело свою политику по военному экспорту и анонсировало амбициозную армейскую реформу. Олаф Шольц заявил также, что Германии необходимо активнее поддерживать международный порядок, «основанный на правилах».

Иначе обстояли дела во Франции. Обострение украинского кризиса не стало поводом для заметной дискуссии по вопросам внешней политики. Французов больше волновали пенсионная реформа и прочие сугубо внутренние проблемы. На президентских выборах весной 2022-го Макрону не было необходимости вспоминать про Украину, что, впрочем, не означает, что предвыборная кампания далась ему

легко. Всё это сильно отличается от политической атмосферы в ФРГ, где противостояние на постсоветском пространстве давало о себе знать даже на земельных выборах.

По всей видимости, франко-германский тандем в ближайшее время не сможет, как прежде, служить драйвером развития ЕС. Украинский кризис выявил неспособность французских и немецких элит вместе или по отдельности взять на себя дипломатическую инициативу от лица Евросоюза. Вместо этого на первый план вышли государства Восточной Европы с их провокационным внешнеполитическим курсом и ориентацией на Вашингтон.

Попытки Германии нащупать пульс перемен и использовать украинский кризис для преодоления дефицита стратегического мышления пока дают противоположный результат. Статус крупнейшего европейского донора вооружений для Украины не только не укрепил авторитет ФРГ внутри ЕС и трансатлантического сообщества, но и стал причиной наметившегося раскола в обществе. На фоне растущей инфляции, энергокризиса и угрозы деиндустриализации в Берлине пытаются найти аргументы, доказывающие: сегодняшние трудности служат залогом светлого будущего. Беспрецедентно низкие рейтинги кабинета Шольца свидетельствуют, что пока это получается плохо.

Французские политики смотрят на противоположный берег Рейна без особых симпатий. У Парижа нет желания поддерживать Берлин в его попытках переизобрести трансатлантизм. Германия остается для Франции одним из важнейших партнеров, однако правительство Шольца не выглядит силой, с которой целесообразно разговаривать о серьезных вопросах двустороннего сотрудничества.

Окно возможностей для возобновления эффективной работы франко-германского тандема если и откроется, то не раньше начала нового политического цикла, прежде всего в ФРГ. Растворение французских и немецких политиков в трансатлантизме идет вразрез с их планами добиться европейской автономии в международных делах. Однако для выработки собственного политического курса у Парижа и Берлина не хватает моральных ресурсов. В скором времени может возникнуть дефицит и в ресурсах экономических. Тогда политический центр тяжести в ЕС сместится на восток.

Впервые опубликовано в деловом журнале "Профиль": Соколов А. Какие проблемы накопились в отношениях Франции и Германии. *Профиль*. 23.06.23. <https://profile.ru/abroad/kakie-problemy-nakopilis-v-otnosheniyah-francii-i-germanii-1341070/>

Источник: **Какие проблемы накопились в отношениях Франции и Германии?**

ОБ АВТОРЕ

Артем Соколов

Эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Германия, Европейский союз

Область экспертизы: Специалист по внешней и внутренней политике Германии, российско-германским отношениям.

Профессиональный опыт: С 2017 г. – старший преподаватель Кафедры исторических наук МГЛУ, с 2018 г. – научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Автор еженедельного дайджеста внешней политики ФРГ.

